

СНИМУ

Чужие жилища — цепочки и крючья,
И лестницы марш как беда неминучая.
С площадок, просунувшись в дверь бородой,
Я с каждым готов поделиться бедой.
А также разжиться в дорогу советом.
Но лучше пожить здесь хотя бы до лета.
И бледный денёк пусть глядит слеповато
В окошке двойном, переложённом ватой.
Да, я уже проживал у старушек.
Уверен в сверхценности их безделушек.
Не двигаю стульев, не ем из тарелок,
С почтеньем держусь среди вещей престарелых,
Снимаю всегда у порога ботинки
И занят лишь тем, что сдуваю пылинки.
Хочу я быть признанным только Домкомом,
К домашним привычным спешить насекомым,
Хозяйственно братья за ручку из меди.

Пускай теснота и дерутся соседи
И баки с бельём пусть и кошек хоть тыща,
Но только б не эти чужие жилища.

* * *

За стенкой умирает старый крот,
Не может вспомнить суру из Корана, —
То по-арабски, то по-русски врёт:
Сады джанна¹, пустыня джаханнама²
Всё перепуталось — уже не разобрать.
Встал ангел смерти, но с лицом соседки,
Она вошла — и взглядом на кровать,
На простыни и прачечные метки —
На цыпочках; послушать тёмный бред
Татарско-русско-гарабарской речи,
Подаст на расширение в горсовет,
Когда вконец уже крота залечат
«Кадам шериф³, — бормочет глупый крот, —
Мы только пыль, что под стопой Пророка».
Соседка-смерть шипит, разинув рот:
«Чуланчик сделать — выйдет больше проку».

* * *

Утра мудрёней ночи торжество
На скипетре три лучика из спектра.
А может, просто светофора ствол
И мелкий дождик с примесью электро.

Читаем знаки эти, как скрижаль
Забудь про всё и предан будь маршруту
Вперёд! Скорее ногу на педаль —
И «дворники» вычёркивают смуту.

Зелёный брызгает как кислый виноград
И всюю тяжестью мы давим эту гущу,

¹ Джанна — мусульманский рай.

² Джаханнам — мусульманский ад.

³ Кадам шериф — след стопы пророка Мухаммеда.

Как жир земли. Сквозь мысли наших чад
Глядит в глазок всеведущий ведущий.

Что там за ним? Что нам диктует ночь?
Зелёный, жёлтый, цвет мазута с кровью...
Инспектор-жрец по новой гонит прочь
Как будто счёт ведущий поголовью.

Он все лучи несёт в своей руке,
За всех в ответе и за всё спокоен
Есть стоп-сигнал там в будке-маяке
И брызги красного, как кляксы скотобоен

Ночь пониманья выше и родства
И всех досужих наших околесиц
Огни принять за форму естества
За суть ли взять звезду и полумесяц

НА БУЛЬВАРЕ

Стал воздух теплей и полезнее,
И женщины сняли чулки,
И девочки чертят прилежные,
Ведут по асфальту мелки.
И чаплинскою походкой —
Ах, если б ещё в котелке, —
Гуляет, измученный водкой,
И плащик свисает в руке,
Какой-то без возраста чижик
Смешной на своих на двоих,
Пытаясь достоинство выжать,
Держась как завидный жених.
Садится он к женщинам ближе
И много несёт чепухи...
Но взгляд отрывают от книжек —
Дела его явно плохи.
Оставив плевок на асфальте,
Уходит уже без надежд.
Жужжат обороты скакалки
И жалят прикрытую плешь.